

Д. Н. Старостин

ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ к Раннему Средневековью

ФОРМИРОВАНИЕ
СТРУКТУР ВЛАСТИ И ЕЕ ОБРАЗОВ
В КОРОЛЕВСТВЕ ФРАНКОВ
В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ МЕРОВИНГОВ
(V-VIII вв.)

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 94(430).014

ББК 63.3(0)4

C77

Старостин Д. Н.

C77 От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). — М. ; СПб. : Нестор-История, 2017. — 488 с.

ISBN 978-5-4469-1217-9

Переход от Античности к Средневековью явился одним из важнейших цивилизационных поворотов, в рамках которого цивилизация Средиземноморья и находившиеся на ее границах варвары смогли найти способы адаптации друг к другу и создать основу для синтеза новых цивилизационных начал, на которых впоследствии возникла цивилизация Средневековья. Таким образом, королевство франков целесообразней рассматривать не как осевшее на римской почве племенное образование и не как союз франкских и галло-римских элементов. Созданные современниками образы королевства франков, которые возникают перед нами в результате исследования исторических сочинений, агиографической литературы и судебных протоколов, представляют собой не «варварскую» или «римскую» (и не их синтез), а «провинциальную» систему представлений, одинаково понятную как галло-римлянам, так и меровингским правителям и их окружению. Таким образом, процесс романо-германского синтеза видится иначе — как слияние двух культур, у которых был общий знаменатель в виде «провинциальной» политической и правовой культуры. Варварские королевства занимали особое место в раннесредневековом историческом процессе — они были не только зародышем нового, средневекового порядка, но и особым феноменом, корни которого уходили в самосознание римского «пограничья», в особую, не до конца романизовавшуюся культуру римских провинций.

На обложке:

Heidelberg, Universitätsbibliothek, Cod. Pal. lat. 864, Gregorius <Turonensis> ;
(Ps.-)Fredegarius. Fol 1v.

ISBN 978-5-4469-1217-9

© Д. Н. Старостин, 2017

© Издательство «Нестор-История», 2017

ВВЕДЕНИЕ

Переход от Античности к Средневековью явился одним из важнейших цивилизационных поворотов, в рамках которого цивилизация Средиземноморья и находившиеся на ее границах варвары смогли найти способы адаптации друг к другу и создать основу для синтеза новых цивилизационных начал, на которых впоследствии возникла цивилизация Средневековья. Именно в результате процесса синтеза в Раннем Средневековье сложились те практики власти, ее образ и ее структуры, которые позволили европейской цивилизации приобрести свою собственную идентичность. Этот переход, являвшийся результатом многовекового взаимодействия Римской империи и варварской периферии, наложился на значительную трансформацию Средиземноморья в результате захвата всей его восточной и южной части исламом. Адаптация к новым реалиям стала еще одним вызовом для общества Европы. Этот двойной цивилизационный перелом был важен как для самой европейской цивилизации, так и для граничащих с ней культур, потому что именно в результате значительного внутреннего переустройства в меровингский период и последующей экспансии в рамках Европы, а затем и Средиземноморья в каролингский период, а также взаимодействия между Европой и прилежащими областями сформировался современный мир.

В этой связи для исторической науки принципиально важным является накопление опыта изучения континуитета позднеантичной цивилизации в рамках сменивших Западно-Римскую империю варварских королевств и исследования радикальности смены властных и общественных структур в правление Каролингов после цивилизационного переворота в Средиземноморье. Актуальность темы обусловлена вновь подтверждаемой исследованиями важностью ранне-средневековой истории королевства франков для формирования

средневекового понимания власти, практики ее функционирования, структуры отношений между королевским двором и региональной знатью и высшим духовенством. Именно в это время правящие элиты в Европе создали задел, позволивший европейской цивилизации сохранить достижения средиземноморской Римской цивилизации и создать новую, средневековую культуру. Значимость исследования обусловлена непосредственным отношением проблемы перехода от Античности к Средневековью, к формированию средневековой и впоследствии современной европейской идентичности. Актуальность также связана с дискуссионностью ряда вопросов перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью и истории варварского королевства франков при Меровингах, а также проблемы новизны и традиций при появлении и становлении династии Каролингов. Современное положение дел в исторической науке признаёт в качестве дискуссионного тезиса о наличии в Раннем Средневековье двух переломных периодов в истории Средиземноморья и Европы: перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью, т. е. ко времени расцвета варварских королевств, и создания на их основе общеевропейской империи под руководством Каролингов. Однако процесс перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью, т. е. создание варварских королевств, а затем переход от варварских королевств к единой европейской империи редко рассматривается комплексно, поскольку историки посвящали свое внимание либо одному, либо другому переходу. Более того, снова вызывает споры вопрос о степени адаптации средиземноморских традиций к условиям европейских регионов и о месте королевства франков в типологии форм синтеза средиземноморской и варварской культур. Если ранее этот вопрос рассматривался только с точки зрения общественно-экономических формаций, то в настоящее время актуальной становится переоценка этой типологии уже с точки зрения истории «ментальностей», и в частности с точки зрения отражения в исторической философии представлений о месте варварских королевств в историческом процессе. Не просто представления о власти как таковые, а именно «историзм» в понимании места франкских королей из династии Меровингов во всеобщей истории является на данный момент наиболее многообещающим направлением исследований. Кроме того, в работах Л. Альфана, Ф. Лота, Ф. Гансхофа, Б. Бакрака, К. Ф. Вернера,

Х. Реймица сложилось мнение о значительном влиянии субъективных представлений историков на образ королевства франков¹.

В настоящем исследовании будет проведено изучение взаимодействия средиземноморской и варварской цивилизаций в процессе появления предпосылок для создания варварских королевств (в течение долгого времени носившем название «романо-германского синтеза»). Предпринимается попытка по-новому подойти к проблеме формирования образа власти в Раннем Средневековье как системы представлений и ценностей, построенных путем адаптации структур, практики власти и представлений о ней, сложившихся в позднеантичном Средиземноморье, к реалиям менее романизированной части Европы. Новизна подхода состоит в отделении собственно событий рассматриваемого периода от тех представлений и интерпретаций современников, которые они получали, и в исследовании взаимоотношений между системой представлений и реально сложившимися структурами власти и особо — в исследовании того, как историческое мировоззрение связано с проблемами формирования власти. Более того, новизна состоит в утверждении о наличии значительного перелома в истории раннесредневековой Европы в момент формирования варварских королевств и во время их постепенной адаптации к условиям Северной Европы при ослаблении значимости Средиземноморья, причем перелома ментального и ценностного. Исследовательская проблема состоит в том, что историки, как правило, исследовали либо политическую историю и организацию власти этого периода, либо историческое мировоззрение и увязывали одно с другим только в конкретных случаях, когда это позволяли источники. То, что историческое

¹ *Halphen L.* Grégoire de Tours, historien de Clovis // *Mélanges d'histoire du Moyen Age offerts à M. Ferdinand Lot par ses amis et ses élèves.* Paris, 1925. P. 235–245; *Lot F.* La victoire sur les Alamans et la conversion de Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire.* 1938. T. 17. P. 63–69; *Ganshof F.* Een historicus uit de VI-e eeuw: Gregorius van Tours // *Medelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kusten van België, Klasse der Letteren.* Brussel, 1966. Jg. 28, No. 5; *Bachrach B.* Procopius and the chronology of Clovis' reign // *Viator.* 1971. Vol. 1. P. 21–32; *Werner K.F.* La 'conquête franque' de la Gaule: Itinéraires historiographiques d'une erreur // *Bibliothèque de l'école des chartes / sous la dir. d'O. Guyotjeannin.* 1996. T. 154, No. 1: Clovis chez les historiens. P. 7–46; *Reimitz H.* History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850. Cambridge, 2015. (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series). Типичным для формационного подхода считается работа А.Д. Люблинской: *Люблинская А.Д.* Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза // *Средние века.* 1968. Т. 31. С. 9–17.

мировоззрение в мерovingскую эпоху кардинально изменилось по отношению к Поздней Античности, не подлежит сомнению. Однако как менялось соотношение между представлением об истории и о месте конкретной властной группы (в данном случае Мерovingов) в контексте всеобщей истории и представлениями о власти? Именно на это вопрос и отвечает исследование. Источниками исследования служат в первую очередь исторические сочинения, агиография, судебные протоколы и отчасти трактаты о вычислении календаря, а также сочинения натурфилософского плана и другие тексты, отразившие эти представления.

Хронологические рамки исследования — IV–VIII вв. — обусловлены его целью и задачами, а также особенностями источниковой базы. Варварские королевства формировались в рамках процессов, которые начали развиваться в провинциях Римской империи еще в начале IV в. Это обусловило необходимость начать исследование с подробного рассмотрения процессов регионализации власти в Поздней Античности. С другой стороны, процессы формирования власти во франкском королевстве, состоявшие в рецепции варварами порядков находившихся под властью средиземноморской державы провинций, начавшись в этот период, закончились только к VIII в., к моменту смены династии, когда завершилось слияние средиземноморских и варварских традиций.

Проблема оценки взаимоотношения средиземноморского и варварского миров в Галлии имеет давнюю историографическую традицию, которая началась еще в период становления исторической науки Раннего Нового времени. Беат Ренан, Паоло Эмилио, Этьен Паскье, Бернар Дюгайян и ряд других ученых-эрудитов уже в XVI в. задали рамки для оценки степени взаимодействия и взаимопроникновения двух обществ, подчеркивая либо значительную романизацию общественного устройства нейстрийских франков и принятие ими власти Римской империи, либо, наоборот, говоря об их независимом развитии и значительном варварском влиянии на галло-римское общество бывшего римского диоцеза². Более того, уже в XVI в. исследователями фактически был поставлен вопрос об уникальности модели развития франкского королевства и ее соотношении с другими регионами Европы.

² *Starostin D.N., Kuleshova E.V. French érudites and the Construction of Merovingian History // Historia Da Históriografia. 2016. Vol. 21. P. 77–95.*

Эта концепция, получившая в дальнейшем название «романо-германского синтеза», была развита на новом этапе, в XIX в. рядом зарубежных исследователей и до сих пор является хрестоматийной³. Именно поэтому, обращаясь к рассмотрению названных проблем, историку приходится анализировать не только современное состояние дел в науке, но и искать корни тех воззрений на проблематику исследования, которые считаются краеугольными камнями исторической парадигмы, посвященной данному вопросу. Даже опираясь на наиболее современные исследования, приходится начинать с историков XIX в., потому что их исторические концепции до сих пор отражаются не только в школьных учебниках, но даже в работах наиболее склонных к ревизии существующего положения дел ученых. В полемике со своими коллегами известный историк романтического направления, работавший, однако, в период оформления позитивизма как основной методологии исторического исследования, О. Тьерри (1795–1856) признал Хлодвига успешным варварским правителем, объединившим галло-римлян и франков, но одновременно представил его (и, по ассоциации, его сыновей и внуков) не более чем «игрушкой» в руках католического епископата, подчеркнув таким образом внутреннюю противоречивость процесса «романо-германского синтеза». Его младший современник Ф. Гизо, тоже принадлежавший отчасти к романтической, а отчасти к позитивистской школам, утвердил мнение о варварстве меровингской истории, обратившись к варварским правдам. Однако он подчеркнул, что «свобода», которая, по мнению представителей «германистского» направления, являлась главнейшей позитивной чертой варварского быта, принципиально отличавшей его от «деспотизма» Римской империи, была не более чем господством грубой силы.

Поворотным этапом, наступлением которого ознаменовался революционный скачок в области оценки синтеза средиземноморской и варварской культур, стал труд Н. Д. Фюстеля де Куланжа (1875), заложивший фундаментальные основы идеи «романо-германского синтеза» и ставший классическим. Он фактически создал и по сей день

³ *Savigny F.K.* Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter. 6 vols. Heidelberg, 1815; *Thierry A.* Récits des temps mérovingiens, précédés de Considérations sur l'histoire de France. Paris, 1840; *Guizot F.* Recits historiques. Bielefeld, 1897; *Fustel de Coulanges N.D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. 6 vols. Paris, 1875.

используемый в научной литературе образ меровингской Галлии⁴. Он подчеркнул фундаментальный характер оставшихся там от периода Римской империи социально-экономических и политических порядков в меровингский период и настаивал на том, что их смена произошла только с приходом к власти королей из династии Каролингов. Не будучи романистом, он тем не менее подчеркнул значимость позднеантичных порядков для существования королевства франков. Через несколько лет Г. Зибель уже с «германистской» точки зрения твердо настоял на городском, т. е. позднеантичном характере королевской власти первого короля франков Хильдерика, называя его «Gaukönig»⁵. Таким образом, франкские короли в работах этого и других немецких исследователей того периода превратились в региональных правителей позднеантичной эпохи, а не в родоплеменных вождей. Говоря о возможности составления Салической правды при Хлодвиге, этот историк подчеркивал правовую культуру франкских королей, которая могла свидетельствовать о наличии культурного обмена с Римской империей и о подражании римскому законодательству⁶. Эта точка зрения была в некоторой степени поддержана А. Допшем, который подчеркнул длительный континуитет римского землевладения и зависимость от него структур организации землевладения и землепользования во франкском королевстве эпохи Меровингов. Одновременно, оставаясь отчасти на германистических позициях, он говорил о значительных трансформациях в области землевладения в бывших римских провинциях, подчеркивая смену римских латифундий «дворами» (или даже «хуторами») франков и других варваров⁷. В целом историки XIX в. видели Раннее Средневековье в целом (т. е. меровингский и каролингский периоды) как единый период довольно активного развития. Эта тема была раскрыта А. Допшем, который констатировал крайне динамичное и активное экономическое развитие Европы в Раннем Средневековье, подчеркивая, что этот период являлся временем не упадка, а экономического подъема⁸. Отметим, что этот иссле-

⁴ *Fustel de Coulanges*. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 1–5.

⁵ *Sybel H. von*. Entstehung des deutschen Königthums. Frankfurt am Main, 1881. S. 303.

⁶ *Sybel*. Entstehung des deutschen Königthums. S. 319.

⁷ *Dopsch A*. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, aus der Zeit von Caesar bis auf Karl den Grossen. Wien, 1923. P. 370–382.

⁸ *Dopsch A*. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschland. 2 vols. Weimar, 1921.

дователь выдвинул идею, которая содержит как полезные черты, так и определенные недостатки и которая определяется его пусть небольшой, но заметной склонностью к «германистической» точке зрения. В частности, он считал меровингский и каролингский периоды единым временем, в рамках которого происходила постепенная адаптация варварских племен к обычаям бывшего диоцеза Римской империи. В этом смысле стоит подчеркнуть точку зрения Н. Д. Фюстеля де Куланжа, который не увидел распада римского социального и правового уклада в период правления Меровингов⁹.

Таким образом, в историографии уже к концу XIX в. сложилась традиция видеть во времени варварских королевств эпоху преемственности с Поздней Античностью, пусть только в плане землевладения или в экономическом смысле, и одновременно усматривать начало новой средневековой цивилизации в изменениях, наступивших с воцарением правителей из рода Каролингов. Историографическая проблема состояла в том, что периоду варварских королевств в новой концепции уделяли мало внимания, потому что он воспринимался слабо как время застоя.

В результате деятельности нескольких научных школ центр тяжести в изучении Средневековья во второй половине XX в. переместился на Высокое и Позднее Средневековье, оставив Раннее Средневековье практически вне поля зрения историков¹⁰. По этой

⁹ *Fustel de Coulanges*. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. 1.

¹⁰ Проблема значимости Раннего Средневековья для исторического анализа в начале XX в. оказалась тесно увязанной с проблемой периодизации Средних веков. М. Блок настаивал на том, что «феодальное общество» являлось феноменом, сложившимся исключительно в сфере влияния бывшей Каролингской империи в период ее распада; он утверждал, что оно появилось не раньше X–XI вв. и что его возникновение было результатом отклика разных слоев северофранцузского общества на конкретно-исторические условия распада власти и социальной структуры с приходом новой династии, что привело к включению этих слоев в средневековую властную и социальную иерархию. М. Блок, таким образом, внес двоякий вклад в историю раннесредневекового королевства франков — с одной стороны, он подчеркнул уникальность того пути развития, который выбрали франкские короли из династий Меровингов и Каролингов и который в долгосрочной перспективе привел к своеобразному характеру западноевропейского феодализма, а с другой стороны, сделал раннесредневековое общество малоинтересным предметом для исследования в силу его застойного характера: *Bloch M.*: 1) *Les Rois thaumatiques. Étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre*. Strasbourg, 1924. (Publications de la Faculté des Lettres de l'Université de Strasbourg; 19); 2) *Les caractères originaux de l'histoire rurale française*. Paris, 1931; 3) *La société féodale*. Vol. 2. Paris, 1940. P. 248.

причине история королевства франков в правление королей из династии Меровингов в течение долгого времени оставалась на втором плане и не привлекала такого же внимания исследователей в концептуальном плане, как Высокое Средневековье, что ощущается в современной историографии. Хотя работы по истории королевства франков в период правления династии Меровингов выходили регулярно, в этой области историкам сложно было искать принципиально новые и соответствующие духу «школы Анналов» подходы в силу традиционного для этого периода недостатка источников. Более того, ситуация была осложнена тем, что исследователи в XX в. предпринимали попытки отойти от «франкоцентричной» системы оценок, беря в качестве точки отсчета либо значительно более романизированные королевства (например королевства вестготов и остготов)¹¹, либо, наоборот, Скандинавию¹². В отечественной историографии это стало возможным благодаря работам С. Д. Сказкина и М. Н. Меймана, которые описали два возможных пути для племенных образований — либо превращение в военную демократию, либо вживание в общество бывших римских провинций с рабовладельческим строем, в зависимости от степени романизации¹³. Идея о географических градациях в степени восприятия римских порядков была разработана в статьях и докладах А. Д. Люблинской, З. В. Удальцовой и Е. В. Гутновой, А. Я. Шевеленко¹⁴. Эта концепция нашла подтверждение в работе П. Андерсона¹⁵. В зарубежной историографии пристальное внимание к вестготскому королевству в контексте общих тенденций развития в раннесредневековой Европе было уделено в работе

¹¹ Корсунский А. Р.: 1) Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1963; 2) Готская Испания (Очерки социально-экономической и политической истории). М., 1969.

¹² Туревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

¹³ Мейман М. Н., Сказкин С. Д. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 97–99.

¹⁴ Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза; Удальцова З. В., Гутнова Е. В. Генезис феодализма в странах Европы. Доклады / XIII Междунар. конгресс ист. наук. Москва, 16–23 авг. 1970 года. М., 1970. С. 9; Шевеленко А. Я. К типологии генезиса феодализма // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 97–107.

¹⁵ Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. А. Смирнова и Д. Е. Фурмана. М., 2007. С. 151.

Р. Коллинза¹⁶. Начиная с конца XX в. в результате определенной маргинализации европейского Средневековья как явления, нетипичного для многих регионов мира, и в результате появления работ типа исследования П. Бурдьё «Набросок теории практики» Раннее Средневековье стало практически исключенной из программы исследования темой¹⁷.

Поворотным пунктом для изучения эпохи варварских королевств и Каролингской империи стало запоздалое распространение в научных кругах работы А. Пиренна «Магомет и Карл Великий» (1937); историк утверждал, что только приход мусульман в Средиземноморье положил конец позднеантичному укладу¹⁸. Фактически для него Поздняя Античность продолжалась до конца VII в., а поворотной точкой, после которой сложилась по-настоящему средневековая Европа, было правление Карла Великого. Дальнейшее развитие этого спора пошло в направлении уточнения характера перехода от Поздней Античности к Средневековью и изучения характера этого переходного общества Раннего Средневековья. В частности, сочетание истории и археологии при рассмотрении этого вопроса привело к тому, что историкам удалось в чем-то поддержать «тезис Пиренна», а в чем-то его раскритиковать. Например, оказалось, что археологические исследования полностью поддерживают идею о переломе в отношениях между западным и восточным Средиземноморьем и между частями западного Средиземноморья после прихода исламских завоевателей. Все торговые пути, которые еще оставались в Галлии на момент распространения арабских воинов, торговцев и кочевников в Северной Африке, действительно прекратили существовать к середине VIII в. Однако, в противовес Пиренну, наше исследование показало, что это было постепенное затухание торговых путей; в течение столетия дальность путешествия купцов снижалась и их активность ограничивалась руслами рек внутри Галлии без выхода в Средиземноморье¹⁹. Таким образом, даже очень придирчивый анализ археологических данных показал, что королевство франков, основанное в рамках диоцеза Галлия,

¹⁶ *Collins R.* Early Medieval Spain: Unity in Diversity, 400–1000 A. D. New York, 1983. P. 145.

¹⁷ *Bourdieu P.* Esquisse d'une théorie de la pratique. Geneve, 1972.

¹⁸ *Pirenne H.* Mahomet et Charlemagne. 2nd ed. Paris, 1937.

¹⁹ *Hodges R., Whitehouse D.* Mohammed, Charlemagne, and the origins of Europe: Archaeology and the Pirene thesis. Ithaca, 1983. P. 20–54.

оставалось единым экономическим пространством в течение долгого времени после падения Римской империи на Западе.

Во второй половине XX в. исследователям стало казаться, что королевство франков не является эталоном для исследования Раннего Средневековья, потому что исследователи всё больше внимания уделяли либо средиземноморским варварским королевствам (вестготскому или бургундскому в первую очередь)²⁰, либо, наоборот, взяли за основу исследования варварского общества примеры северных регионов Европы²¹. Однако постепенно исследователи северного общества стали подчеркивать, что не следует переоценивать его уникальность и противопоставлять структуры власти в нем тем, которые сложились в провинциях Западной Римской империи в последние века ее существования²². Таким образом, к франкскому королевству вернулась роль посредника между миром Средиземноморья и миром варварства, и это привело к тому, что его история снова приобрела не просто локальный, но глобальный характер — как исследовательская проблема истории Раннего Средневековья в сравнительно-историческом аспекте.

Первыми в работу по возвращению престижа королевству франков в период Раннего Средневековья включились историки, которые занимались Поздней Античностью²³. Процесс отразился в исследованиях второй половины XX в., в которых стали подчеркивать особый характер позднеантичной цивилизации и по-новому осмыслили период перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью. Эти исследователи, знакомые с подходом М. Блока, но предпочитавшие опираться на концепцию А. Пиренна, стали рассматривать эпоху Поздней Античности не как период распада, но как время стабилизации и расцвета²⁴. Рассмотрение королевства франков в эпоху

²⁰ Корсунский А. П. Готская Испания. М., 1969; Collins R. Early Medieval Spain. P. 145.

²¹ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970; Miller W. I. Bloodtaking and peacemaking: feud, law, and society in Saga Iceland. Chicago, 1990.

²² Bagge S.: 1) Nordic Uniqueness in the Middle Ages? Political and Literary Aspects. Gripla. 2009. Vol. 20. P. 49–76; 2) Early State Formation in Scandinavia // Der frühmittelalterliche Staat — europäische Perspektiven / hrsg. W. Pohl, V. Wieser. Wien, 2009. S. 145–154.

²³ Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395 A. D. to 800 A. D.). Vol. 1. London, 1889.

²⁴ Marrou H. I. Histoire de l'éducation dans l'antiquité. Paris, 1965; Jones A. H. M. The Decline of the Ancient World. Burnt Mill, 1966; Chastagnol A. L'évolution politique, sociale

правления Меровингов в контексте перехода от Поздней Античности к Раннему Средневековью и проблемы преемственности его устройства с устройством позднеантичной Галлии стало одним из ключевых моментов возвращения интереса к этому периоду для ряда исследователей.

Оценка взаимоотношений между «романским» и «германским» началами имела сложную историю. В ответ на утверждения О. Тьерри и Ф. Гизо, считавших франков варварами, Г. Вайц и А. Допш доказывали, что франки, наоборот, очень тесно взаимодействовали с римлянами и служили в римской армии²⁵. Более того, было показано, что родоплеменной общины у франков не существовало, а был только род²⁶. Поэтому в середине XX в. отечественные историки, развивая эту тему, подчеркнули, что у варваров в случае разложения родоплеменной общины было два пути — военная демократия и интеграция в общество с рабовладельческой системой. Таким образом, признавалась возможность полной интеграции варваров в римское общество или их параллельное существование с обществом позднеримских провинций²⁷. Однако к началу XX в. все основные взгляды на формирование королевства франков были уже высказаны, поскольку сформировалась и чисто «романистическая», и чисто «германистическая» концепции и произошел синтез этих двух противоположных точек зрения как в романоязычной, так и в германоязычной научной среде. Новизна в исследовании перехода от Поздней Античности к Средневековью лежала не столько в поисках новых способов оценки романо-германского синтеза, сколько в более глубоком исследовании того, что собой представляли провинции Римской империи, в частности Галлия, в момент прихода туда варваров и создания варварских королевств. Почва для

et économique du monde romain de Dioclétien a Julien: la mise en place du régime du Bas-Empire (184–363). Paris, 1994; *Demandt A.* Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München, 1998; *Brauen P.* The World of Late Antiquity, 200–750. London, 1971; *Уколова В. И.* Античное наследие и культура раннего средневековья. М., 1989.

²⁵ *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Vol. 2. Kiel, 1882. S. 73; *Dopsch.* Wirtschaftliche und soziale Grundlagen. S. 258–259.

²⁶ *Inama-Sternegg K. T. F. M.* Untersuchungen über das Hofsystem im Mittelalter; mit besonderer Beziehung auf deutsches Alpenland. Innsbruck, 1872. S. 37.

²⁷ *Мейман, Сказкин.* К вопросу о непосредственном переходе к феодализму. С. 97–99.

дальнейшего рассмотрения королевства франков в правление Меровингов как своего рода связующего звена между позднеантичной Римской империей и средневековой Европой была подготовлена работой С. Дилла, в которой автор показал, что в период IV–VI вв. в Галлии сложилась своя цивилизация, которая отличалась и от средиземноморской, и от варварской²⁸. Со второй половины XX в. работ, посвященных возникновению именно в позднеримской Галлии ряда предпосылок для формирования особого политического образования — королевства франков, стало больше²⁹. В частности, историки подчеркнули, что процесс взаимодействия между галло-римскими элитами, императорским двором и варварами на пограничье был сложным и многогранным и что утверждение власти франкских королей явилось продолжением того процесса поиска баланса сил, который существовал и ранее³⁰. Одновременно было показано, что

²⁸ *Dill S.* Roman Society in Gaul in the Merovingian Age. London, 1926.

²⁹ *Stancliffe C.* St. Martin and His Hagiographer: History and Miracle in Sulpicius Severus. Oxford, 1983; *Van Dam R.*: 1) Leadership and Community in Late Antique Gaul. Berkeley, 1985; 2) The Pirenne Thesis and Fifth-Century Gaul // Fifth-Century Gaul: A Crisis of Identity? / eds. J. F. Drinkwater, H. Elton. Cambridge, 1992. P. 321–334; *Drinkwater J. F.* The Bacaudae of Fifth-Century Gaul // Fifth-Century Gaul. A crisis of identity? Cambridge, 1992. P. 208–217.

³⁰ *Magnou-Nortier E.*: 1) Les évêques et la paix dans l'espace franc (VIe–XIe siècles) // L'évêque dans l'histoire de l'église: Actes de la 7me rencontre d'histoire religieuse Fontevault, 1983. Angers, 1984. P. 33–49. (Publications du Centre de recherches d'histoire religieuse et d'histoire des idées); 2) Du royaume des 'civitates' au royaume des 'honores': 'episcopatus', 'comitatus', 'abbatia' dans le royaume franc (VIe–IXe siècle) // La fin de la cité antique et le début de la cité médiévale de la fin du IIIe siècle à l'avènement de Charlemagne, Actes du colloque tenu à l'Université de Paris X Nanterre les 1, 2 et 3 avril 1993 / sous la dir. de C. Lepelletier. Bari, 1996. P. 311–344. (Munera: Studi storici sulla Tarda Antichità); *Wallace-Hadrill J. M.* The long-haired kings, and other studies in Frankish history. New York, 1962; *Ganshof F.* Een historicus. P. 9; *Hauck K.* Von einer spätantiker Randkultur zum karolingischen Europa // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Bd. 1. S. 43; *Werner K. F.*: 1) Les Origines. Paris, 1984. (Histoire de France. 2); 2) De Childéric à Clovis: antécédents et conséquences de la bataille de Soissons en 486 // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4, No. 1. P. 3–7; *James E.* Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue archéologique de Picardie. 1988. T. 3/4. P. 9–12; *Daly W. M.* Clovis: how barbaric, how pagan? // Speculum. 1994. Vol. 69. P. 919–964; *Heinzelmann M.* Gregor von Tours (538–594), «Zehn Bücher Geschichte»: Historiographie und Gesellschaftskonzept in 6. Jahrhundert. Darmstadt, 1994; *Lebeqç S.* Les origines franques: Ve–IXe siècle. Paris, 1990. (Nouvelle histoire de la France médiévale); *Rouche M.* Clovis: suivi de vingt et un documents traduits et commentés. Paris, 1996; *MacGeorge P.* Late Roman warlords. New York, 2002; *Le Jan R.* La sacralité de la royauté mérovingienne // Annales Histoire, Sciences Sociales. 2003. T. 58:6. P. 1217–1241; *Schmauder M.* The relationship

привычная для многих поколений исследователей картина возникновения королевства франков была создана в первую очередь Григорием Турским, мировоззрение которого во многом определило особенности наших представлений об этом периоде³¹. В частности, такими исследователями, как Ф. Гансхоф, В. Гоффарт, К.-Ф. Вернер, М. Хайнцельманн, Х. Раймиц, было доказано, что этот историк, выступавший своего рода посредником между двумя культурами, постарался подчеркнуть уровень интеграции средиземноморской и варварской культур и перевел существующее согласие в термины священной, церковной истории³².

В XX в. перед специалистами по истории франкского королевства в меровингский период встала серьезная проблема в связи с тем, что потенциал исследования нарративных источников был

between Frankish gens and regnum: a proposal based on archaeological evidence // *Regna and gentes: The relationship between Late Antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world* / Eds. H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl. Leiden, 2003. P. 271–306. (The Transformation of the Roman world. 13); *Murray A. C.* 'Pax et disciplina': Roman public law and the Merovingian state // *From Roman provinces to medieval kingdoms* / ed. by T. F. X. Noble. New York, 2006. P. 376–388; *Hen Y.* Roman barbarians: the royal court and culture in the early Medieval West. New York, 2007; *Halsall G.* Cemeteries and society in Merovingian Gaul: selected studies in history and archaeology, 1992–2009. Leiden, 2010. (Brill's series on the early Middle Ages. 18); *Becher M.* Chlodwig I: der Aufstieg der Merowinger und das Ende der antiken Welt. München, 2011; *Reimitz H.* History, Frankish Identity; *Gerberding R.* The rise of the Carolingians and the Liber historiae Francorum. Oxford, 1992; *Fouracre P., Gerberding R. A.* Late Merovingian France: History and hagiography, 640–720. Manchester, 1996. (Manchester Medieval Sources); *Wood I. N.* The Merovingian kingdoms (450–751).

³¹ *Wattenbach W., Levison W.* Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Bd. 1. Vorzeit und Karolingen. Hf. 1. Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger. Stuttgart, 1952; *Van de Vijver A.*: 1) La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1936. T. 15. P. 859–914; 2) La victoire contre les alamans et la conversion de Clovis en 506 // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1937. T. 16. P. 35–94; 3) L'unique victoire contre les Alamans et la conversion de Clovis // *Revue belge de philologie et d'histoire*. 1938. T. 17. P. 793–813; *Bachrach B.* Procopius and the chronology of Clovis' reign; *Goffart W.* The narrators of barbarian history (AD 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Princeton, 1988; *Heinzelmann M.* Gregor von Tours; *Breukelaar A. H. B.* Historiography and episcopal authority in sixth-century Gaul: the histories of Gregory of Tours interpreted in their historical context. Göttingen, 1994. (Forschungen zur Kirchen und Dogmengeschichte. 57); *Shanzer D.* Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // *Early Medieval Europe*. 1998. Vol. 7, No. 1. P. 29–57; *Wynn P.* Wars and Warriors in Gregory of Tours' Histories I–IV // *Francia*. 2001. Jg. 28. S. 1–35.

³² *Reimitz.* History, Frankish Identity. P. 444.

исчерпан. После работ В. Ваттенбаха, С. Хеллмана, Л. Альфана, Ф. Гансхофа возможности исследования «Истории» Григория Турского в рамках позитивистской и неопозитивистской методологических парадигм были фактически исчерпаны³³. Это означало, что попытки найти в сочинении епископа Тура, а также в «Хронике» Фредегара и в «Книге истории франков» новые факты или новые события были практически исчерпаны. Последним эпизодом большой полемики по поводу отдельных событий из истории королевства франков был спор по поводу даты крещения Хлодвига (496 или 507 г.), начавшийся из-за работ Ван де Вивера, в которых он настаивал на позднем крещении короля франков в Туре после победы над вестготами³⁴. А после попыток новой интерпретации хорошо известного текста уже с позиций герменевтики возможности его использования для понимания истории франкского королевства были ограничены уточнением интерпретаций³⁵.

Поэтому начиная со второй половины XX в. историки стали предпринимать значительные усилия для того, чтобы ввести в оборот другие типы источников, ранее не использовавшиеся в изучении событийного ряда истории королевства франков. Практически одновременно были проведены фундаментальные исследования документальных источников, таких как сборники формул (*Formulae*) и судебных протоколов, а также житий святых³⁶. По поводу их использования разгорелся ряд дискуссий, имевших непосредственное

³³ *Wattenbach W., Traube L.* Deutschlandts Geschichsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Stuttgart, 1904; *Hellmann S.* Studien zur mittelalterlichen Geschichtschreibung: Gregor von Tours // *Historische Zeitschrift*. 1911. Vol. 107. S. 1–44; *Halphen.* Grégoire de Tours. P. 245; *Ganshof.* Een historicus. P. 6–9.

³⁴ *Van de Vijver:* 1) *La victoire contre les alamans.* 1936. P. 914; 2) *La victoire contre les alamans.* 1937. P. 94; 3) *L'unique victoire contre les alamans.* P. 813.

³⁵ *Bachrach.* Procopius. P. 32; *Goffart.* The Narrators. P. 153; *Heinzelmann.* Gregor von Tours. P. 194.

³⁶ *Bergmann W.:* 1) *Untersuchungen zu den Gerichtsurkunden der Merowingerzeit* // *Archiv für Diplomatik.* 1976. Jg. 22. S. 1–186; 2) *Die Formulae Andecavenses, eine Formelsammlung auf der Grenze zwischen Antike und Mittelalter* // *Archiv für Diplomatik.* 1978. Jg. 24. S. 1–53; 3) *Verlorene Urkunden des Merowingerreichs nach den Formulae Andecavenses:* *Katalog* // *Francia.* 1981. Jg. 9. S. 3–56; *Classen P.* Kaiserreskript und Königsurkunde: *Diplomatische Studien zum Problem der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter.* Thessalonike, 1977; *Stancliffe C.* St. Martin and his hagiographer; *Van Dam R.:* 1) *Leadership and community;* 2) *Saints and their miracles in late antique Gaul.* Princeton, 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Источники	19

Глава 1

Центр и периферия: Галлия в структуре власти Поздней Римской империи и становление региональной идентичности

1.1. Проблемы регионализации Римской империи: тетрархия, магнаты, узурпаторы и делегирование власти на места	32
1.2. Создание региональных структур власти в IV в. и регионализация сознания: Юлиан Отступник и Аммиан Марцеллин	43
1.3. Имперская церковь и церковь Галлии: Галлия как самостоятельный регион глазами епископата и церковных историков	56
1.4. От Римской империи к христианской провинции: Концепция истории и образ Галлии у Сульпиция Севера	86
Выводы	97

Глава 2

Reges et rhetores: Меровинги глазами историков и рецепция античных традиций историописания

2.1. «Абсолютизм» Хлодвига и основание франкского королевства	103
2.1.1. История исследования франкского королевства в Раннее Новое, Новое и Новейшее время	103
2.1.2. Григорий Турский: Становление королевства франков в историографической традиции	116
2.1.3. Франки и их отношения с Римской империей в Галлии ..	131

2.1.4. Становление королевства франков в V в. в контексте перехода от Поздней Античности к Средневековью. Франки в середине V в. и проблемы формирования королевской власти в контексте позднеантичных провинций.	143
2.1.5. Начало франкской истории глазами галльских и византийских историков: Варвары и романизация в контексте взаимоотношений Восточно-Римской (Византийской) империи и западного Средиземноморья.	157
2.1.6. Григорий Турский и Хлодвиг: Проблема исторического подхода.	181
2.1.7. Крещение Хлодвига, образ Константина Великого и смысл истории Григория Турского: «Церковная история» как жанр и ее адаптация к раннесредневековым реалиям.	199
2.2. Хлодвиг и Константин Великий: Образ христианского императора и его адаптация на Западе.	216
2.3. Консолидация власти и <i>concordia principum</i> во второй половине VI в. глазами современника	251
2.3.1. Трансформация систем власти после Хлодвига: Нейстрия и Австразия.	251
2.3.2. Королевство франков в системе взаимоотношений Средиземноморья.	258
2.3.3. Род, семья, династия.	265
2.3.4. <i>Regnum</i> и окружение короля.	285
2.3.5. Согласие и мир в Галлии как историческая концепция Григория Турского.	295
2.4. Увядание или стабильность: Франкское королевство в VII–VIII вв. и его образ в исторических сочинениях	307
2.5. Заключение: Трансформация образа Мерovingской власти в исторических сочинениях	322

Глава 3

Regnum et sacerdotium: Королевская власть и ее основания в эпоху распространения монашества

3.1. Королевская власть и распространение монашества в VII–VIII вв.	332
3.1.1. Распространение монашества и создание агиографического канона в Галлии в IV–VI вв.	332

3.1.2. Агиографические сочинения начала VII в. и влияние «ирландского монашества» на распространение монастырей в Европе	339
3.1.3. Эдуэн Руанский и Элигий Нойонский: Епископы, монастыри и королевский двор	348
3.2. «Королевские монастыри» в мерovingскую эпоху: пример Сен-Дени	361
3.3. Заключение: Сакральность королевской власти и распространение монастырей	380

Глава 4

Rex aut iudex:

Судебные прерогативы короля и проблемы власти Мерovingов

4.1. Судебная власть короля и позднеантичное наследие	383
4.2. Судебные протоколы Мерovingской Нейстрии: Происхождение и особенности	389
4.3. Королевская власть, знать и монастыри на примере протоколов королевского суда	396
4.4. Политика согласия и король как арбитр	405
4.5. Заключение: Судебные протоколы и их функции	416
Заключение. Образы власти в эпоху Мерovingов и их трансформация	419

Список сокращений	433
Источники	436
Список литературы	443

Научное издание

Дмитрий Николаевич Старостин

**ОТ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ
К РАННЕМУ СРЕДНЕВЕКОВЬЮ**

**Формирование структур власти и ее образов
в королевстве франков в период правления Меровингов
(V–VIII вв.)**

Корректоры *А. М. Никитина, М. И. Иванова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 22.11.2017. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 30,5. Заказ № 935

Тираж 300 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28